Грамадства дзеля годнага адказу на новыя гістарычныя выклікі павінна ўяўляць сабою як мага больш цесна згуртаваную супольнасць і магло цалкам засяродзіць усе свае намаганні на забеспячэнні паслядоўнай і максімальна поўнай рэалізацыі агульнанацыянальных інтарэсаў. У той жа час яно не павінна скоўваць ініцыятыву індывідаў і вынішчаць іншадумства, паколькі менавіта іншадумцы часцей за ўсё з'яўляюцца носьбітамі новых жыватворных ідэй, рэалізацыя якіх спрыяе паскарэнню навукова-тэхналагічнага прагрэсу. Адначасова грамадству належыць садзейнічаць максімальна шырокай свабодзе творчасці і прадпрымальніцкай дзейнасці сваіх членаў, кіруючыся прынцыпам: чым багацейшыя грамадзяне, тым багацейшыя грамадства і краіна.

Пажадана таксама, каб грамадства было структурыравана па ўсіх асноўных напрамках сваёй жыццядзейнасці. Бо толькі ў такім выпадку яно рэальна зможа стварыць неабходныя ўмовы для плённай працы сваіх членаў і стаць належнай процівагай дзяржаве, здольнай прадухіляць шырокае распаўсюджванне карупцыі і ўсіх іншых праяў злоўжывання ўладай у чынавенскім асяроддзі.

Теория лингвистической абсолютности, или Пока ходить мы умеем

И.В. Морозов
Ivm2010@rambler.ru
(Минск, Беларусь)

…Нет, не зря язык в современном понимании отнюдь не бездушное средство коммуникации, но имманентная присущность, душа всякой национальной культуры. Ибо, как уже давно замечено, «…язык всеми тончайшими фибрами своих корней связан с народным духом» (В. Гумбольдт). Это его внутренняя познавательная и поэтическая энергия, единственная возможность непредвзятого мышления, свободного обмена мыслями, и самого принципиального диалога личности – самой с собой.

И уже это в достаточной мере подтверждает концепцию лингвистической относительности Сепира-Уорфа, многие другие исследования, исповедующие опосредованность человека языком-

речью, своеобразное страдание от этой зависимости, что имеет, как ни странно, и диалектически положительный импульс. Он заключается в поиске средства, пути гармонизации этой опосредованности. А поиск этот и есть существо Культуры во всех ее проявлениях. В том числе и как питательная среда, споспешествующая жизни языка, благодаря которой язык начинает «мыслить сам», порождая уже из самого себя новые формы мыслительной деятельности, открывая себя для вольного сотворчества «человек-язык», поскольку «тип и функции языка есть организм духа» (В. Гумбольдт).

Отсюда можно вывести и теорию абсолютности языка – чтобы мы ни думали-выражали, есть лингвистический акт, содержание и предназначение которого поделиться с собой-миром, куда направлены-следуют наши мысли, включая сомнения, мечты, фантазии. Именно поэтому, на каком бы языке ни говорил человек, он говорит на общем языке и одновременно исключительно на своем-личностном. И чем духовно богаче-свободнее личность, тем богаче его язык, характер, точность, яркость, символичность, короче, все орудийно, операционно-конкретные и метафорически-иносказательные способы его смысловыражения. Это одна из, можно сказать, априорных универсалий.

Актуальные синергетические воззрения подвигают взглянуть на духовный симбиоз «человек-язык» как на жизненный мир человека, чья имманентная незавершенность и открытость может найти свое относительное разрешение в реальном действии или поступке лишь в ситуационно ограниченном времени процесса коммуникации. Иначе говоря, лингвистическое пространство превращается в достаточно условную категорию, не имеющую внятных границ, в том числе и пространственно-территориальных, и тем более административно-государственных. Лишь феномен времени, темпоральной процессуальности может вобрать в себя все лингвистические перипетии, который и составляют жизнь-судьбу всякого языка – речевого и невербального, артикулируемого и изобразительно-выразительного, предметно-вещественного. Так что существенно большую гносеологическую и практическую значимость обретает синхронно-диахронное бытие языка. Это трансформирует проблему территориального пограничья в феномен лингвистического повременья с такими, например, ее аспектами,

как со-временность, свое-временность языковой таковости-инаковости. Это означает, что при всякой деятельности-творчестве важен не результат как сталость-свершенность со своими конкретными «окончательными» выводами, но становления как перманентный процесс и не претендующий на истину в последней инстанции. Он происходит исключительно в силу того, что имеется «некое ядро, еще более глубинное образование, зародыш всех возможных Кодов, Код Кодов, Пра-Код, или лучше Пра-Система, которая, присутствуя во всякой семиотической манифестации, подтверждает существование некоего потаенного начала» (У. Эко), некой первомысли, кванта мысли, который образовался в единой онтологической, феноменологической и синергетической колыбели с языком, и из которого, как из Большого Взрыва, пошла распускаться вся безграничная, живая Вселенная творчества смысловыражения. Что это за универсальная первофраза, ибо «только на уровне фразы язык что-то говорит»? (П. Рикер).

Произнести ее, понятно, невозможно, но она должна высказывать-выражать действительно нечто человечески абсолютное, подчиненное «глубинной грамматике» (В. Гумбольдт), и «априорной грамматике» (Э. Гуссерль) каждого из вербальных языков. В основе этих грамматик – непреложно атрибутивная бинарная оппозиция-двучлен, состоящий из существительного (образ наличествующего бытия) и глагола (образ диалектического свершения). В любом смысловыражении ни один из этих членов не может находиться без реального или подразумеваемого присутствия другого члена. Так, «атомарные факты» – предметность, движение, состояние, – в своем отношении-изменении образуют «атомарные предложения» (Б. Рассел). Отсюда минимальная фраза, квант движущейся мысли, атомарный завершенный текст-свершение – универсальный грамматический трехчлен:

Существительное – Глагол – Существительное*.

Закономерный, естественный лингвистический эквивалент столь же универсального жизнетворческого трехчлена осуществляемой и воспринимаемой локомоции-Пути:

Место – Переход – Место*

Так что любая ис-тория, как процесс-результат торения, всякий текст, как связывание-ткань – результат определенного ментально-

реального мысли-путе-торения со своими архетипическими атрибутами: началом, направлением, последовательностью, целью, концом. Насколько прагматически точно, полно или художественно, символически они выражены, настолько привлекает, впечатляет, запоминается предъявленный Текст-Путь. Настолько он интересен политикам, филологам, философам, теологам, искусствоведам, историкам, биографам…

«Мы говорим для того, чтобы сказать друг другу, куда ведет путь» (О. Розеншток-Хюсси). В итоге это могла мыслиться, предвидеться спасительная пещера или залежи полезных ископаемых для архаичного труда. Но это может быть и «дорога к Храму», к звездным туманностям, в целом жизненный путь-исполнение. В любом случае, язык искони указывал-вел. То есть осуществлял сверхприродную, однако естественную для мышления трансценденцию пространства-времени. И именно потому он стал не просто системой знаков или сигналов, непросто «говорением», а «формой публичного поведения», устанавливающей длящиеся, растянутые во времени межличностные отношения. В них человек увидел последовательное осуществление-предназначение всех форм-явлений, увлекая-отсылая их из познанного-пройденного в сферу неведомого-предстоящего. И такой путь-мысль невозможно расчленить без нарушения общей гармонии-смысла, ибо не может быть-пониматься половина пути или треть мысли.

Так что в отличие от теории лингвистической относительности, согласно которой «реальный мир» строится на основании языковых норм данной группы» (Э. Сепир) и на факте того, что «мы расчленяем природу в направлении, показанном нашим родным языком» (Б.Л.Уорф), теория лингвистической абсолютности воспринимает общечеловеческое общение-существование не суммой «атомарных фактов» и даже не «атомарными предложениями», но единым синергетическим феноменом бытия-становления человека-языка.

Отсюда, чтобы сказать: «Кто-что есть отдельный человек, сообщество, этнос, все человечество в целом», – необходимо спросить у них-себя, не то, кто-что они есть, но куда-зачем идут-подвигаются своей самореализацией в мире? Этим собственно и определяется их самость-самобытность, что независима от внешних, сиюминутных факторов, ибо архетипична, врожденна. То

есть стабильна во времени, а всякое ее изменение опосредовано изменением опять-таки языка. Особенно это наглядно в особых исторических событийных ситуациях, на переломе, как говорится, эпох-парадигм. И лучший способ отразить кризисную ситуацию – «это наблюдать за изменением языка» (Г.-Г. Гадамер). Ведь оно – это, по сути, изменение пути нашей мысли, всего жития-бытия со всеми его очевидной повседневностью и мистической сакральностью. Поэтому-то «Бог заставляет нас говорить» (О. Розеншток-Хюсси). Говорить и говорить всеми одаренными-обретенными языками – речью, жестом, письмом, красками, камнем…

Так с первых именований Адама-Евы, человек действительно стал «как боги», то есть обрел свободу от закрепощенности в здесь-и-сейчас – способность мыслить, мечтать, строить планы, сомневаться, интересоваться, соизмерять, выбирать, дабы адекватно приспособиться, и творчески, в теории и на практике, направить свое бытие к иному-лучшему. Дабы творить себя-собой как духовную, следовательно, абсолютную ипостась. Ибо перед ним открыта безграничная возможность вопрошать и делиться самым сокровенным и предопределяющим. На что, по нашим представлениям, способен разве что Бог-Абсолют, заговоривший только с Человеком, который, выходит, заставил Его говорить. И этот дар-предназначение навсегда останется с нами. По крайней мере, пока ходить, да и летать-мечтать тоже, мы умеем…

Історія фіксації та характерні риси обрядів післявесільного етапу на теренах етнографічної Волині в другій половині XIX ст.

В. Р. Нємєц
vniemiets@gmail.com
(Львів, Україна)

У структурі традиційного волинського весілля чітко простежується комплекс обрядодій демонстративно-карнавального характеру, що відбувалися протягом тижня і були пов’язані з